

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/145-158

Научная статья

© З. Б. Цаллагова

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АФОРИСТИКИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Система восприятия, систематизации и интерпретации окружающего человека мира во многом антропоцентрична, она базируется на мировоззрении, определяющем человека как мерило среды его обитания. В традиционных культурах человек — центр, через который проходит жизнь народа. Поэтому изучая этнопедагогические средства формирования личности, анализируя афористические сентенции, сопровождающие его взросление и социализацию, мы получаем сведения о характере традиционного воспитания: в чем ребенка ограничивали, как поощряли, утешали, наказывали, назидали, вдохновляли. А знание этих закономерностей, в свою очередь, помогает шире использовать антропологизм этнопедагогической афористики в качестве содержательной основы этнокультурного компонента современных образовательных программ: рассматривать человека во всех его универсальных и национально-специфических личностных особенностях, во всех сферах деятельности индивида от быта до дипломатии и образования. Важно иметь в виду и то, что присутствие антропоцентризма в народной афористике может быть выражено не только эксплицитно, но и имплицитно: о чем бы не повествовала афористическая единица (флора, фауна, явления природы т. д.), в конечном счете она посредством сравнения, метафоры, намека, параллелизма, синекдохи и других поэтико-художественных средств повествует о человеке.

Ключевые слова: этнопедагогика, антропоцентризм, этнокультурное образование, народы Северного Кавказа, афористические жанры фольклора

Ссылка при цитировании: Цаллагова З. Б. Антропоцентризм этнопедагогической афористики народов Северного Кавказа // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 145–158.

Цаллагова Зарифа Борисовна — д. педагог. н., профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр-т, 32А). Эл. почта: sozieva@mail.ru

*Статья выполнена в рамках тем НИР: «Общегражданские и этнокультурные ценности в образовании российской молодежи: поиск баланса» (в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.); «Народы Северного и Южного Кавказа: цивилизационные и этнокультурные взаимодействия».

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/145-158

Original article

© Zarifa Tsallagova

ANTHROPOCENTRISM OF ETHNOPEDAGOGICAL APHORISMS IN THE NORTH CAUCASUS

The human system of perceiving, systematizing and interpreting the world is inherently anthropocentric — it defines a man as the measure of all surrounding objects. By studying the ethnopedagogical means of forming a personality, by analyzing the aphoristic maxims that accompany one's upbringing and socialization, we can learn about the nature of ethnic education: how a child is encouraged, consoled, punished, edified, inspired. Knowledge of these patterns enables us to use the anthropologism of ethnopedagogical aphorisms in modern educational programs, considering a man in all his universal characteristics and in all spheres of activity from everyday life to diplomacy and education. It is also important to keep in mind that the anthropocentrism of folk aphorisms can be expressed not only explicitly, but also implicitly: no matter what an aphorism talks about (flora, fauna, natural phenomena, etc.), ultimately, through comparison, metaphor, synecdoche and other poetic and artistic means, it talks about man.

Keywords: *ethnopedagogy, anthropocentrism, ethnocultural education, peoples of the North Caucasus, aphoristic genres of folklore*

Author Info: **Tsallagova, Zarifa B.** — Doctor of Sciences in Education, Professor, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: sozieva@mail.ru

For citation: Tsallagova, Z. B. 2026. Anthropocentrism of Ethnopedagogical Aphorisms in the North Caucasus. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 145–158.

Funding: The article was carried out within the framework of the research project: “General Civil and Ethnocultural Values in the Education of Russian Youth: Finding a Balance” (within the framework of the Scientific Research Program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening Russian identity, 2023–2025); “Peoples of the North and South Caucasus: Civilizational and Ethnocultural Interactions”.

Каждая личность является носителем языка, традиций, духовных ценностей, мировоззренческих установок и приоритетов своей этнокультурной группы, которые он получает в процессе взросления и социализации. Именно эти качества и формируют у человека представления о мире, в котором он является и субъектом, и объектом. Известные ученые Э. Бенвенист, В. Фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Ф. И. Буславев, А. Н. Афанасьев и др., каждый на своем материале исследуя проблемы языка и фольклора, говорили о человеке как личности, которая отражает воззрения целого народа, заключённые в организации языка, специфике фольклора и традиционной культуры. Все эти народные знания, передаваемые из уст в уста, из поколения в по-

коление, были антропоцентричны (от др.-греч. ἄνθρωπος — человек и лат. *centrum* — центр), нацелены на сопровождение человека по жизни: на то, чтобы обеспечить его эталонными идеалами, отгородить от аутсайдерства, дать яркие и запоминающиеся рецепты предпочитаемых моделей социального и семейного взаимодействия (Волков 1993; Мартынова 2004; Свитин 2016: 151–155; Шестакова, Юздова 2019: 203–209; Джусупов 2022: 37–52).

Известна антропоцентрическая направленность народной афористики, в которой преобладает пословично-поговорочная форма. Такие антропоцентрические пословицы направляют внимание слушателя на человека, на образное, прямое, собирательное или обобщенное отражение его деятельности и характера, его жизненного опыта и национального менталитета. Как правило, в таких изречениях присутствуют два взаимосвязанных плана: план содержания, который содержит выводы и умозаключения общечеловеческого, универсального характера и план выражения, который передает эти смыслы посредством национально-культурных, специфических для данного народа образов, понятий, сюжетов, художественных средств. Общечеловеческий, универсальный аспект пословиц показывает, что у всего человечества, независимо от этнических, языковых, исторических, культурных различий, есть нечто общее, присущее им как видовому понятию (дух, душа, тело, род, труд, семья, родина и т. д. (Волков 1999: 18–21; Свитин 2016: 151–155; Мартынова 2025: 14–48).

Антропоцентризм пронизывает и многовековой опыт наблюдений многих поколений горцев Северного Кавказа за закономерностями развития и воспитания детей. В народных сказках, загадках, песнях, баснях, эпических сказаниях, преданиях, легендах, содержащих сюжеты и идеи воспитательного характера, в художественной форме запечатлены закономерности, факторы и рекомендации, способствующие воспитанию и становлению гармонически развитой личности. Квинтэссенцию этнопедагогических знаний фольклорная традиция хранила в форме народных афоризмов — пословичных назиданий (пословиц, поговорок, народных паремий, изречений, крылатых слов, нефигуративных выражений). Перечисленные малые афористические жанры горского фольклора, имеющее форму законченного предложения, даже в том случае, когда они говорят о явлениях природы, красоте растений, повадках зверей и птиц, движении планет и т. д., в конечном итоге все равно антропоцентричны, т. к. образный, иносказательный план этих изречений несет информацию о человеке и для человека, типизируя самые различные проявления его жизни.

По своей форме афористические выражения северокавказских народов отвечают принципам краткости, сжатости, устойчивости, выразительности; наряду с прямой обладают образной мотивировкой общего значения и при всей своей специфичности у разных народов имеют много схожего по значению, смыслу, заключенному в них, а иногда совпадают с пословицами других народов, чему можно привести множество примеров.

Анализ рассматриваемого материала позволяет отметить такую ее функциональную особенность, как антропоцентризм, предполагающий установку на нравоучение, назидание, поучение, предостережение, помощь человеку в различных жизненных и житейских ситуациях. Эта нацеленность характеризует афоризм не только как категорию поэтическую, эстетическую, философскую, но и педагогическую.

Поскольку в исследованиях по этнопедагогике нет общепринятых терминологических формулировок для данного понятия, представляется правомочным предло-

жить следующее определение: афоризм — исторически сложившееся народно-поэтическое средство традиционного воспитания, характеризующееся предельной краткостью объема, сжатостью информации, образной выразительностью, антропоцентризмом, наличием прямого и переносного смысла, функциональной назидательной установкой (*Цаллагова 1997*).

В пословичных назиданиях горцев Северного Кавказа сублимирована жизненная информация, прошедшая синтез и анализ фактов, их обобщение и художественную трансформацию. Такая сублимация осуществляется или в форме прямого изложения континуума взглядов, представлений, установок, которыми руководствуется тот или иной народ (пословицы и поговорки с прямой мотивировкой общего значения) или же посредством художественного описания объекта (пословицы с образной мотивировкой общего значения).

Анализ закономерностей современного функционирования назидательных высказываний у народов Северного Кавказа показывает, что такие пословичные изречения воспринимаются носителями этнокультуры не как глубокое прошлое, а как живой голос народа. Люди уверены не только в их сегодняшней актуальности, но и в том, что они потребуются и завтра. Прежде всего, они объясняют их востребованность тем, что пословица создается всем народом и выражает коллективное, апробированное временем, мнение человека, что они не только являются действенным средств традиционного воспитания, но и способствуют поддержанию регламентационных норм общества, так как используются людьми с целью передать свой опыт и заставить слушателя воспринять этот опыт через посредство опасения оказаться социальным аутстайдером в случае неприсоединения к народному опыту (*ПМА 1973–2023*).

Как правило, указанные средства традиционного воспитания в их живом бытовании выступают одновременно в качестве такой воспитательной формы, как разъяснение (*Арсалиев 2007: 263–269; Цаллагова 2011: 198–202*). Отвечающие случаю и вплетаемые в речь пословичные изречения аргументируют те или иные доводы говорящего. А поскольку пословицы охватывают самый широкий круг явлений и предметов, то авторитетным афористическим разъяснением в воспитательных целях может воспользоваться каждый человек в любой типичной ситуации.

Наряду с разъяснением пословичные афоризмы могут выступать в таких формах словесного воздействия на личность, как убеждение, поучение, назидание, нравоучение, совет, завет, зарок (*Волков 1999: 71–79*). К формам морального воздействия (возвышения личности или ее подавления) относятся пословицы, пословичные приметы, отражающие обычаи, запреты, поверья, презрение (как проявление общественного мнения), упрек, а также проклятия и благословения (*Табулова 1977: 18; Хубецова 1977: 34; Гуртуева 1970: 56–59*). Цели формирования эмоционально благополучной среды служили такие формы традиционного воспитания, как благопожелания, приветствия, благодарность, клятва, косвенная угроза (*Арсалиев 2007: 226–231; Цаллагова 1997: 119–123*).

Такой многочисленности и популярности словесных форм традиционного воспитания способствовало убежденное неприятие горцами физических наказаний для детей. Вся их воспитательная практика свидетельствует об отрицательном отношении к насилию над ребенком (*Гуртуева 1977: 140; Мирзоев 1986: 54*).

Воспитательная действенность афористических форм народного воспитания обеспечивалась не только заключенным в них лексическим смыслом, но и особым

тоном их произношения, выразительной мимикой говорившего, характерными жестами, сопровождавшими афористическое изречение, приложимостью к создавшейся ситуации (Габния 1990: 13; Кудаева 2006: 18). Эта синкретичность во многом объясняет их педагогическую весомость. В свое время воспитательная значимость афористических наставлений усугублялась и преклонением перед особой, не до конца понятной силой слова, а также заключенным в звучащее и целенаправленное слово «магическим» аспектом. Еще в древних цивилизациях люди знали об особом воздействии слов на психику и даже здоровье человека, а также жизнедеятельность растений и животных, предметов окружающей среды.

Смысл и учет условий использования афористических высказываний свидетельствует о глубоком понимании горцами непростой природы слова, заключенной в нем силы: «Сказанное слово — выстреленная пуля» (абх.), «Слово спасает, но оно же и убивает» (абх.), «Доброе слово вершину Казбека расплавил» (чечен.), «Хорошее слово и змею выманит из гнезда» (чечен.), «Вовремя сказанное слово — точно выстрелившее ружье» (чечен.), «Владеющий словом — конный, не владеющий — пеший с поклажей» (осет.), «Неречистый человек — башня без двери» (осет.), «И счастье и несчастье человека связаны с его языком» (осет.), «Слово — быстрее ветра, сильнее ружья» (осет.).

Должная систематизация высказываний о природе слова, правилах ведения речи, позволяет обнаружить целую систему запретов и предписаний в области речевой деятельности (Гуртуева 1977: 140; Мирзоев 1986: 54; Кудаева 2006: 88). Прежде всего, обращает на себя внимание большая группа изречений, рекомендующих слушающему, воспринимающему, воспитуемому всегда отдавать предпочтение слушанию перед говорением и любым другим занятием. В случае, если человек занят, ему также рекомендуется отложить все дела и выслушать обращенную к нему речь. Народная афористическая традиция усматривает в молчании не только пользу, но и красноречивость: «Из болтливого мальчика хорошего мужчины не выйдет» (осет.), «Мальчик-болтун да жеребенок иноходец хорошими никогда не бывают» (осет.), «Еле плетущаяся лошадь и болтливый мужчина хорошими не бывают» (осет.); «Брехливой собаке достается много ударов» (осет.); «Брехливая собака лучше болтливого мужчины» (осет.); «Молчаливому рыба достается, а болтуну побои» (осет.); «Кто молчит, тот услышит больше» (осет.).

Не свободен от определенных неписанных, но само собой разумеющихся обязательств и говорящий, наставляющий, воспитатель. Прежде всего, он никогда не должен наносить вреда людям, воспринимающим его речь. Как правило, это табуирование проклятий, брани, выражений, посредством магии, могущих принести адресату речи моральный или телесный ущерб. Пословицы предупреждают человека о возможных негативных последствиях его речи и возлагают на него ответственность за нарушение речевых запретов. Говорящий предупреждается: «Слово — меч» (чечен.), «Слово ранит сильнее, чем топор» (осет.), «Язык — причина бед» (осет.).

Народные наставления содержат и прямые воспитательные советы, подчас почти полностью соответствующие рекомендациям современных педагогов и педагогических психологов. Так, педагогическая рекомендация о необходимости поощрения и похвалы детям; о том, что любой выговор, любое порицание должно быть дозированным и должно сочетаться с обязательной констатацией позитива в ребенке имеет этнопедагогическую параллель в народной афористике: «Не спеши с порицанием, опаздывая с похвалой» (осет.)

Средством коррекции поведения были не только приемы словесного воздействия на личность, не только методы и приемы нравственного возвышения и подавления воспитуемых, но и этикетные правила и сопровождающие их этикетные афористические формулы. Нелегкие природные и экономические условия диктовали свои условия оптимального существования социообразных этикетных традиций. Достойное следование им было мерилom достоинства человека и несло свою особую красоту, заключающуюся в ненарушении социальной гармонии. Горский поведенческий идеал, нивелируя проявления экстремистского поведения в индивиде, был нацелен не только на профилактику многих межличностных, общественных конфликтов, чреватых для человека серьезным психологическим дискомфортом и психическими болезнями, но и эффективно решал на поведенческом уровне извечную проблему взаимодействия личного и общественного (Арсалиев 2007: 86–91; Кудалева 2006: 4–6; Мирзоев 1986: 11).

Несмотря на всю свою внешнюю суровость, этикет адыгских народов (адыгэ хабзэ), балкарцев и карачаевцев (тау адет), осетин (оэфсарм), чеченцев и ингушей (сий) направлен на установление гармонии, поддержание мира и спокойствия на межличностном и межгрупповом, в том числе межэтническом, уровнях. Выполняя стабилизирующие и направляющие функции, национальный этикет реализуется в постоянно повторяющихся ситуациях, становясь передаточным механизмом связи между поколениями. Горский этикет иерархизирует и регламентирует свойственную природе человека устремленность к духовности, нацеленность на добро, истину, правду, смирение, бесконфликтность, уступчивость. Этими понятиями пронизаны также древнейшие обряды и этикетные традиции северокавказских народов.

Знание древнего этикета, приверженность ему смиряют, не дают стать привычными сиюминутным настроениям и эмоциям, не дают отходить от высших этических норм, экономя внутреннюю энергию, которая вместо бесплодных претензий идет на рост духовности. Бестселлером в Америке стала книга психолога Роджерса «Жизнь-101», в которой он увещевает своих соотечественников: поздно переделывать родителей, бесполезно им возражать, по крайней мере, внешне. Это вы к ним должны приноравливаться, терпеть, чтобы не было потом мучительно больно. Уважайте, прощайте, терпите — этот крест нести легче, чем мучительные сожаления, часто запоздалые и бесплодные. Все это, по идее, возврат к ясно формулируемой в горских пословицах установке уважения к старшим, родителям: «У старшего вытри нос и спроси у него совета» (осет.), «Молодого наставляют, старого не поучают» (адыг., абаз.), «Кто старшего не послушался, в большую яму упал» (чечен.), «Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодежи» (адыг.).

В перечисленные нравственные императивы горских обществ составным элементом входили умеренность, умение прощать, снисходительность, благоразумие: «Гнев — лезвие ножа, разум — рукоять ножа» (балкар.); «Достойное поведение выше всякого богатства» (балкар.); «Прощающий — благороден», «Прощение от могущества» (осет.); «Снисходительность дополняет щедрость», «Будь милостив к тем, кто ниже, слабей тебя» (кабард.).

На пестование и поддержание в человеке терпения, скромности, благородства направлены популярные в народных традициях афоризмы: «Адыгский конь и выдержанный (терпеливый) мужчина — самое лучшее» (адыг.); «Не хвали себя: если ты хорош, тебя увидят!» (адыг.); «Мужчина о своих подвигах не рассказывает»

(адыг.); «К почетному месту не тянись: если достоин, оно достанется тебе» (адыг.); «С достойным мужчиной вести вражду легче, чем с недостойным водить дружбу» (чечен.); «Благородный человек хозяин своему слову» (осет.).

Издавна в горских обществах знание и соблюдение речевого этикета было общепризнанным показателем развитости и элитарности личности. Такие люди пользовались авторитетом, к их мнению прислушивались. Многочисленны были пословично-поговорочные изречения на эту тему, несущие регулятивные начала речевых взаимоотношений, правила ведения и поддержания беседы (*Шоров 1999; Цаллагова 2011; Халидова 1973; Гуртуева 1970*). Такие пословицы отдают предпочтение диалогу и беседе, ведущимся согласно речевому этикету, что предполагает использование формул вежливости, поддержание вежливого диалога, запрет на оскорбление собеседника: «Коня узнают по выездке, человека — по общению» (осет.); «Одно благопожелание лучше ста проклятий» (осет.); «Да будешь ты благословен» (букв.: «Пусть в твой адрес будет сказано много благопожеланий») (осет.).

Афористическая традиция рекомендует внимательно выслушать собеседника «Язык — один, уха — два, раз скажи, два послушай» (балк.); «Подумай, прежде чем говорить», «Умный не говорит, невежда не дает говорить» (осет.). Пословицы советуют в полученном сообщении выделить новое знание, исключить ложную информацию и дифференцировать характер информанта от содержания его сообщения. Предписывалось не принимать близко к сердцу негативную информацию от озлобленного человека: «Собака лает — ветер носит» (балкар., осет.).

В ходе беседы предписывается реагировать способом, не вызывающим ответную агрессивную реакцию: «Иногда лучше промолчать, чем сказать (вариант: правду сказать)» (осет.); «Пока слово не вылетит изо рта, оно твой раб, вылетит — ты его раб» (чечен.); «Язык твой — конь твой: не удержишь его, он тебя сбросит» (карач.); «Молчание — это ответ (вариант: речь)» (абаз.).

Приветствовалась умеренность в вербальных проявлениях: «Свое слово дорогим сделай» (адыг.); «У умного разговор бывает коротким» (чечен.). Резко осуждалось чревоугодие, как всякая невоздержанность вообще: «Если ты не властен над своим ртом, одень на шею петлю» (адыг.); «Даже если голоден, что угодно не запихивай в рот, даже если зол, что попало не говори!» (адыг.); «Если неумеренно ешь, то и мед горек» (адыг.).

Исходя из далеко идущей целесообразности, народная традиция и соответствующие афористические предписания регламентировали поведение женщины в семье и общине (*Шоров 1999; Цаллагова 2011; Мафедзев 1991; Мирзоев 1986; Гуртуева 1970*). Сочувствие и понимание непростой ее доли прочитывается в афористических образах: «Не приведи снохе быть в роли веника, и венику быть в роли снохи» (чечен). Аналогичный метафорический образ и в осетинской загадке: «За нашей дверью стоит молодая невестка. Веник» (осет.). У такой дискриминации, безусловно, была своя логика, нацеленная на необходимость трансформации вынужденного смирения в мягкость и гибкость поведения, способность к состраданию, сопереживанию, милосердию, нацеленность на культивирование соответствующего идеала. Прибегая к излюбленному антитетическому приему, пословицы при сопоставлении женщины и мужчины пальму первенства отдают первой: «Когда муж плох — сгорает коридор (сени, веранда), когда жена плоха — дом» (осет.), «Муж — голова, а жена — шея; куда шея повернется, туда и голова» (осет.), «Муж — блин, жена — переворачивальщица (пекарь)» (осет.).

Наряду с функционирующей в разных вариантах почти во всех северокавказских афористических традициях фразой: «У женщины волос долог, а ум короток» (осет.), «Женский ум короче лягушачего хвоста» (чечен.) и т. п., много афоризмов, свидетельствующих об уважительном к ней отношении: «Женщина — украшение дома» (балк.), «Там, где нет женщины, нет и счастья» (балк.), «Лев и львица одинаково сильны» (балк.), «Самое дорогое из того, что может добиться мужчина, он посвящает женщине, чтобы обрадовать ее» (кабард., черкес.), «Женщина — маленькое солнце дома, его ангел» (осет.), «Женщина — безветренное мягкое солнце, ангел семьи» (осет.), «Хорошая жена — счастье мужа» (осет.), «В этом несправедливом мире нет лучшего блага, чем хорошая жена» (осет.).

Разумеется, что женщина, имевшая в обществе такой авторитет, должна была обладать незаурядными качествами. В частотном отношении на первом месте половицы, утверждающие важность женской скромности: «Мужество женщины в ее скромности» (адыг.), «Женщина красна своей скромностью» (осет.). Высоко ценились ее деловые качества, расторопность, беззлобность, услужливость, воспитанность и умение воспитывать, мягкость в общении: «Из рук хозяйки капает жир» (осет.) (хозяйка как олицетворение изобилия в семье); «У хорошей хозяйки глаз — весы, слово — мед» (букв. сладко); «Сплоченность семьи связана с хозяйкой» (осет.); «Хорошая хозяйка — дом, плохая жена — могила» (адыг.); «С хорошей женой муж статен, с плохой — ничтожен» (адыг.); «Одинокая женщина может воспитать детей, а одинокий мужчина — нет» (адыг.); «Парня делающая парнем — хозяйка дома, хозяйку делающая хозяйкой — воспитанность» (адыг.); «Дом в отсутствии женщины пылен» (адыг.); «С хорошей женой легче переносится горе» (адыг.).

Вследствие строгих регламентаций и психика детей не была отягощена бременем перепалок, что наряду с другими особенностями семейного уклада, не могло не способствовать душевному здоровью, созданию того радостного, благожелательного климата в семье и обществе, существование которого еще в недавнем прошлом с такой ностальгией и неизменным постоянством отмечали почти все наши информаторы преклонного возраста. Не случайно именно в «несдержанной» матери, семейных ссорах, непрочном семейном очаге усматривает истоки неуравновешенности, угнетенности, беспокойства своих соотечественников известный французский педагог и педиатр Лоранс Пэрну (*Пэрну* 2019: 262). Более того, отталкиваясь от современной ей юридической статистики, она приходит к выводу, что спокойствие и стабильность в семье гораздо важнее для ребенка, чем благосостояние, обеспеченность. Академика РАО Г. Н. Волкова обширные лонгитюдные наблюдения за современным состоянием семейного воспитания подвели к выводам о том, что «регулирование цивилизованного поведения ни в семье, ни в обществе немислимо без естественной иерархии отношений: “...Борьба за равенство в семье часто имеет ...разрушительные последствия”» (*Волков* 1993: 26–27).

Народные наставления северокавказцев вменяют не только женщинам терпеливое несение всех выпавших на долю тягот жизни, афоризмы проповедают идею долготерпения как достойную черту характера каждого человека. Особенно она необходима младшим в их общении со старшими (*Габния* 1990: 183; *Мафедзев* 1991: 87). Уважение к старшим впитывалось с молоком матери и благодаря воспитанию становилось своего рода рефлексом, когда поругание седины становилось просто невозможным. «Старость следует беречь (к старикам следует бережно относиться)»; «Долг младше-

го — слушаться старшего», — гласят популярные осетинские пословицы. С самого раннего детства такое отношение определялось стандартами поведения. Это, в том числе, и проксемически значимое поведение (расположение в помещении, за столом, на улице, формы приветствия, стандарты речевого поведения): «Старший идет с правой стороны» (осет.); «Место старшего — во главе стола» (осет.).

В афористическом творчестве старшие предстают как источник информации, ума, опыта, поборники нравственности: «В семье, где нет пожилого человека, нет нравственности, а в семье, где нет молодого человека, нет счастья» (адыг.); «В доме, где нет старших, много плача» (адыг.); «Молодого наставляють, а старого разве поучают?» (адыг.); «Где нет хороших стариков, там нет и хорошей молодежи» (адыг.); «Где нет старшего, нет и младшего» (абазин.); «Молодые дерутся, старшие советуются» (адыг.); «Старшего не окликают, его догоняют» (адыг.); «Пусть слаб старик и беспомощен, но держи его при себе как советчика» (балкар.); «Старшему нос подотри и держи его для совета» (карач., балкар.); «Много живший много знает» (балкар.); «Не станет сам старшим не слушающий старшего» (балкар.); «Очаг не светит в той семье, где нет старшего» (балкар.); «Кто старшего не послушался, в большую яму упал» (чечен.); «У старика вытри нос и спроси у него совета (ума)» (осет.).

Пословицы содержат конкретные указания на необходимость почтительного отношения к старшим: «Старшего почитать — сам станешь почитаем» (адыг.); «К старшему прислушивающийся в делах преуспевает» (адыг.); «Кто не считается со своим старшим, тот не считается с самим собой» (адыг.); «Почитание, какое ты оказываешь своим родителям, окажут тебе твои дети»; «Старшего следует слушаться» (осет.); «Старший чихнул и младшие встали» (поднялись в знак уважения) (осет.).

Та же мысль в афористике кавказских народов передается и посредством образного сравнения старого человека со старым животным: «Старую птицу приманкой не проведешь» (осет.); «Старый бык и ночью дорогу в хлев найдет» (осет.); «Старый бык умеет ходить в борозде» (осет.); «Старая собака сумеет поросенка поймать» (абхаз.); «Старого воробья на мякине не проведешь» (осет.).

Показательно, что не по годам умного, понятливого ребенка осетины характеризуют через посредство сравнения со старым человеком, несущим элемент одобрения. «Похожа на старушку» говорят о девочке, «как старик» — о мальчике; в обоих случаях этим выражением предельно положительно оцениваются ум, рассудительность, серьезность, ответственность ребенка. А вот сам старик имеет для сравнения в палитре пословичных тропов другой образ; о мудром, красивом, седом, благообразном старике говорят: «Он как ангел».

Многие северокавказские неfigurативные паремии фиксируют такую деталь горского этикета, когда младшему вменялось в обязанность умение слушать и выслушивать старшего. Даже маленькие дети понимали, что ему необходимо выслушать и вобрать в себя то, что внушается старшими, диалог возникал редко и исключительно по инициативе старшего. (ПМА).

Пословичные изречения наставляют: «Из болтливового мальчика хорошего мужчины не выйдет» (осет.), «Мальчик-болтун да жеребенок иноходец хорошими никогда не бывают» (осет.), «Молчаливому рыба достается, а болтуну — побои» (осет.), «Сведуший не говорит, невежда не дает говорить» (русс.), «Кто молчит, тот услышит больше» (осет.). Схожие выражения и у соседних народов. К аналогичным выводам пришел и автор весьма популярного во второй половине XX в. бестсел-

лера Дейл Карнеги в книге «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей». Наставление «Будьте хорошим слушателем!» — он считает открытым им рецептом успешности, и резюмирует этой фразой содержание целой главы под названием «Легкий способ стать хорошим собеседником».

Множество северокавказских пословичных изречений связано с важнейшим в горском быту институтом гостеприимства (Николаева 1995: 311–324; Гасанов 1968; Мафедзев 1991; Мирзоев 1986; Гуртуева 1970). Пословицы наставляют: «Сам голодай, но гостя накорми» (чечен.); «Того, кто не любит гостя, не любит людей» (чечен.); «Дом, в который не приходит гость, подобен могиле» (чечен.); «В дом, в который не приходит гость, не приходит благодать» (чечен.); «У абхаза будет одна корова, сыворотку будет пить сам, а сыр оставит для гостя» (абх.); «Гость адыга сидит в крепости» (т. е. в безопасности (адыг.); «Гость, если три дня пробудет, становится одним из детей» (адыг.); «Для адыга гость — любимец» (адыг.); «Если гость грустен — это вина хозяина» (адыг.); «Гостя лишнего не бывает» (адыг.); «Гость приносит семь удач» (абх.), «Для абхаза гость подобен Аублаа (Аублаа для абхазов — воплощение идеальных человеческих качеств, самые уважаемые люди)».

В осетинских паремиях на данную тему утверждается, что «Гость счастье приносит», «Когда гость откроет двери дома, даже колья плетня расцветают»; «Место гостя, по обычаю, уважаемо»; «Неожиданный друг — гость — дар божий». По представлениям осетин, дом, в который не вхожи гости, лишен изобилия, уважения, отсюда понятен глубокий смысл мудрого благопожелания: «Да не будем мы лишены счастья принимать гостей!». Афоризмы сообщают: «Кто не любит гостя, того не почитают в гостях» (чечен.); «Не кормящий гостя — знаменит» (адыг.) — настолько это позорно и из ряда вон выходяще; «Приглашение гостя существует, выпроваживания гостя не существует» (адыг.).

На Северном Кавказе хорошо принять гостя не только обязанность, но и святой долг, прочно укоренившийся в сознании. Этот обычай являлся элементарной защитой в мире, таившем множество опасностей для жизни: трудно представить путника в горах без поддержки местного населения. Поэтому сама жизнь диктовала необходимость выработки норм, согласно которым каждый путешественник был вправе рассчитывать на гостеприимство.

В представлениях горца даже небесные силы не могут игнорировать правила гостеприимства: «Ты — гость своего создателя» (абх.); «Гость — божий гость» (осет.), более того: «Гость — посланец бога» (чечен.). Осетинская заговорная (охранная) формула: «Я — Божий гость!» (более распространенный вариант: «Боже, отдаемся под твою защиту» /букв.: «Становимся твоими гостями/!)), — зафиксирована нами в момент, когда бабушка наставляла внучку, со страхом рассказывающую ей о своем кошмарном сне. Девочке было рекомендовано страшившим ее существам представляться как Божья гостя. Здесь наряду с самой афористической формулой важен рекомендуемый момент ее произнесения: во сне, т. е. ребенок должен настолько глубоко в подсознание вобрать идею неприкосновенности гостя (а уж тем более гостя самого Господа), чтобы даже во сне воспроизвести охранную паремию.

Приведенные афоризмы, как и ряд других афористических выражений со словом «гость», становятся понятными с учетом реалий горского социального института гостеприимства. Обращение к представителям божественного пантеона с

просьбой сделать себя или кого-либо его гостем на самом деле означало моление, выпрашивание защиты и покровительства этого святого.

Предельная краткость и огромная емкость смысла делают народные афоризмы портативнымместилищем поэтико-педагогической мысли народа (Хубецова 1977; Гасанов 1968; Мафедзев 1991; Мирзоев 1986; Гуртуева 1970). Однако, краткая форма, облегчая восприятие и запоминание афоризма, затрудняет их интерпретацию, зависящую от знания смыслового ключа, коренящегося в общей культурной традиции народа. Анализ обширного массива афористических форм позволяет констатировать их антропоцентризм, нацеленность на передачу жизненного опыта, подготовку подрастающих поколений к принятию и бережному созиданию мира, профилактике ошибок, индивидуальных и социальных бед и т. д. Такое содержание обуславливает их сентенциозность, поучительность, педагогическую направленность и непреходящую актуальность. Являясь выражением педагогической мудрости народа и народно-педагогическим средством воспитания, афоризмы учат не только жить и воспитывать, воздействовать на сознание людей, но и позволяют убедиться, что мир, в котором жили предки современных кавказских народов не был примитивным и простым, что достойная жизнь в нем требовала от каждого члена общества определенных внутренних усилий, приложения силы воли, ума, духа.

«Большое счастье и утешение для людей, что свет мудрости не погаснет никогда. В этом нас еще раз убеждают горские пословицы, вечно новые, подобно созреванию зерна... Они — наши бессмертие: Личного бессмертия нет, а есть коллективное бессмертие людей, их труда, их общих усилий, их мыслей, совместных стремлений. Каждый, уходя из жизни, оставляет живым свой опыт, умение, мастерство. Так передавались умения печь хлеб, строить жилища, ковать оружие, пахать землю, слагать песню. И во всем этом велика была роль слова» (Так сказали мудрецы 1965: 10). Приведенные слова балкарского народного поэта Кайсына Кулиева, так образно передавшего антропоцентрическую направленность пословичных назиданий и их непреходящее воспитательное значение, — своеобразный торжественный гимн народному афористическому творчеству, в нем схвачена и поэтично выражена педагогическая суть народных афоризмов.

Антропоцентрическая парадигма афористики энциклопедически всеохватна: нет тем и проблем человеческой жизни, на которые бы она не откликнулась. Поэтому она так отзывается в душе каждого человека в самые разные периоды его жизни, в различных житейских ситуациях. Поэтому, по статистике, именно афористическая книжная продукция одна из самых востребованных людьми.

Особо отметим, что антропоцентризм афористики — традиционное исследовательское поле для целого ряда смежных наук: такие фольклорные единицы изучаются с позиции как фольклористики, этнопедагогики, этнологии, теории языка, сопоставительной лингвистики, так и с позиции лингводидактики и методики обучения родному и неродному языкам, с позиции использования в содержании образования учебных заведений самых разных звеньев, а также во внеучебной педагогической деятельности взаимодействия (Джусупов 2022: 37–52; Свитин 2016: 151–155; Мартынова 2025: 14–48; Шестакова, Юздова 2019: 203–209). В последнее время в связи с активизацией принципов поликультурного и полилингвального образования усилилось внимание к антропоцентрическим пословицам, пословичным изречениям, афоризмам неродного языка, которые в методике преподавания изучаются посред-

ством сравнительно-сопоставительного рассмотрения с аналогичными умозаключениями родного языка обучающихся. Именно афористические тексты — один из самых богатых материалов для обучения этнокультурной и этностраниковедческой лексике, становления переводческого мастерства. Эта работа находит отражение в издаваемых хрестоматиях, словарях, пособиях для преподавателей, методических рекомендациях, в которых представлен отобранный учебно-языковой и фольклорный материал, он сопровождается системой упражнений, построенной с учетом положений теории этнокультурно детерминированного перевода.

Таким образом, овладение инофонами афористическим материалом способствует не только усвоению соответствующих филологических, этнокультурных знаний, более осознанной и корректной межъязыковой и межкультурной коммуникации, совершенствованию билингвально-коммуникативной компетенции обучающихся, но и глубокому влиянию народной мудрости на становление личностных устремлений, идеалов, поведенческих паттернов личности. Это достигается, по мнению большинства педагогов-практиков, благодаря тому, что привитие ценностных этнокультурных установок происходит имплицитно и не встречает у обучаемых неприятия, которое зачастую возникает у подростков при прямом директивном навязывании тех или иных установок и предписаний.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора (1973–2023).

Так сказали мудрецы 1965 — Так сказали мудрецы. Сборник пословиц / Перевод. Н. Гребнева; [Вступ. статья К. Кулиева]; Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1965. 204 с.

Научная литература

Арсалиев Ш. М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М.: Гелиос-АРВ, 2007. 382 с.

Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.

Волков Г. Н. Современное функционирование народной педагогики как феномена демократии и гуманизма в сфере воспитания. Чебоксары: РИПКРНО, 1993. 88 с.

Габния Ц. С. Абхазские пословицы и поговорки. Сухум: Алашара, 1990. 96 с.

Гасанов М. М. Афористические жанры дагестанского фольклора. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагест. ун-т им. В. И. Ленина, 1968.

Гуртуева М. Б. Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик: Эльбрус, 1970. 142 с.

Джусупов М. Антропоцентрические пословицы как лингвоконтрастная и лингвометодическая проблема // *O‘zbekistonda xorijiy tillar / Foreign Languages in Uzbekistan / Иностранные языки в Узбекистане.* 2022. № 5 (46). С. 37–52.

Джусупов М. Антропоцентрические пословицы как лингвоконтрастная и лингвометодическая проблема // *O‘zbekistonda xorijiy tillar / Foreign Languages in Uzbekistan / Иностранные языки в Узбекистане.* 2022. № 5 (46). С. 37–52.

Кудаева З. Ж. Мифо-эпическая модель адыгской словесной культуры: (на материале паремий). Дис. ... доктора филол. наук. Нальчик, 2006. 362 с.

Мартынова М. Ю. Социальные ориентации школьного образования в условиях культурного разнообразия общества как фактор благополучия // *Образование детей и идентичность: взгляд социального антрополога: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Мартынова.* М.: ИЭА РАН, 2025. С. 14–48.

Мартынова М. Ю. Мир традиций и межкультурное общение. В помощь школьному учителю. М.: РУДН, 2004. 348 с.

- Мафедзев С. Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. 253 с.
- Мирзоев Ш. А. Народная педагогика Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1986. 123 с.
- Николаева Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии. // Малые формы фольклора / [Составитель Т. Н. Свешникова]. М.: Вост. лит., 1995. С. 311–324.
- Пэрну Л. Я воспитываю ребенка. М.: Прогресс, 2019. 272 с.
- Свитин И. А. Познавательный потенциал принципа антропоцентризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 151–155.
- Табулова Н. Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск: б/и., 1977. 143 с.
- Халидова М. Р. Малые дидактические жанры аварского фольклора. Дис. ...канд. филол. наук. Махачкала, 1973.
- Хубецова З. Р. Осетинские клятвенные формулы // Вопросы осетинского языкознания. Т. XXXII. Орджоникидзе: СОНИИ, 1977. С. 63–86.
- Цаллагова З. Б. Афористические жанры осетинского фольклора. Владикавказ: Ир, 1993. 196 с.
- Цаллагова З. Б. Этнопедагогическая афористика. М.: Магистр, 1997. 223 с.
- Цаллагова З. Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2011. 363 с.
- Шестакова Е. В., Юздова Л. П. Антропоцентризм как принцип исследования лексических и фразеологических единиц русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 203–209.
- Шоров И. А. Адыгейская народная педагогика. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1999. 467 с.

References

- Arsaliev, Sh. M.-Kh. 2007. *Etnopedagogika chechentsev* [Ethnopedagogy of Chechens]. Moscow: Gelios-ARV. 382 p.
- Dzhusupov, M. 2022. Antropocentricheskie poslovitsy kak lingvokontrastivnaia i lingvometodicheskaia problema [Anthropocentric Proverbs as a Linguocontrastive and Linguometrical Problem]. *Foreign Languages in Uzbekistan* 5(46): 37–52.
- Gabniya, Ts. S. 1990. *Abkhazskie poslovitsy i pogovorki* [Abkhazian Proverbs and Sayings]. Sukhum: Alashara. 96 p.
- Gasanov, M. M. 1968. *Aforisticheskie zhanry dagestanskogo fol'klora* [Aphoristic Genres of Dagestan Folklore]. Ph.D. diss., V. I. Lenin Dagestan University.
- Gurtueva, M. B. 1970. *Balkarskii fol'klor o narodnom opyte vospitaniia* [Balkar Folklore on Folk Experience in Education]. Nalchik: Elbrus. 142 p.
- Khalidova, M. R. 1973. *Malye didakticheskie zhanry avarskogo fol'klora* [Small Didactic Genres of Avar Folklore]. Ph.D. diss., V. I. Lenin Dagestan University.
- Khubetsova, Z. R. 1977. Osetinskie kliatvennye formuly [Ossetian Oath Formulas]. *Voprosy osetinskogo yazykoznaniiia* 32: 63–86.
- Kudaeva, Z. Zh. 2006. *Mifo-epicheskaia model adygskoi slovesnoi kultury (na materiale paremii)* [The Mytho-Epic Model of the Adyghe Verbal Culture (Based on the Material of Paremmas)]. Nalchik. 362 p.
- Mafedzev, S. Kh. 1991. *Mezhpokolennaia transmissiia traditsionnoi kul'tury adygov v nachale 20 veka* [Intergenerational Transmission of the Traditional Culture of the Adygs in the Early 20th century]. Nalchik: El'brus. 253 p.
- Martynova, M. Yu. 2004. *Mir traditsii i mezhekul'turnoe obshchenie. V pomoshch' shkol'nomu uchiteliiu* [The World of Traditions and Intercultural Communication: A Guide for School Teachers]. Moscow: RUDN. 348 p.
- Martynova, M. Yu. 2025. *Sotsial'nye orientatsii shkol'nogo obrazovaniia v usloviakh kul'turnogo raznoobraziiia obshchestva kak faktor blagopoluchiia* [Social Orientations of School Education

- in the Context of Cultural Diversity of Society as a Factor of Well-Being]. In *Obrazovanie detei i identichnost': vzgliad sotsial'nogo antropologa* [Children's Education and Identity: A Social Anthropologist's Perspective: Collective Monograph], ed. by M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAS. 14–48.
- Mirzoev, Sh. A. 1986. *Narodnaia pedagogika Dagestana* [Folk Pedagogy of Dagestan]. Makhachkala: Daguchpedgiz. 123 p.
- Nikolaeva, T. M. 1995. Obobshchennoe, konkretное i neopredelennое v paremii [General, Concrete, and Indefinite in Paroemias]. In *Malye formy fol'klora* [Small Forms of Folklore], ed. by T. N. Sveshnikova. Moscow: Vostochnaia literatura. 311–324.
- Pernu, L. 2019. *Ya vospityvaiu rebenka* [I Am Raising a Child]. Moscow: Progress. 272 p.
- Shestakova, E. V., and L. P. Yuzdova. 2019. Antropotsentrizm kak printsip issledovaniia leksicheskikh i frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka [Anthropocentrism as a Principle for Studying Lexical and Phraseological Units of the Russian Language]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 6 (428), issue 117: 203–209.
- Shorov, I. A. 1999. *Adygeiskaia narodnaia pedagogika* [Adyghe Folk Pedagogy]. Maikop: Adygeiskoe Respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 467 p.
- Svitin, I. A. 2016. Poznavatel'nyi potentsial printsipa antropotsentrizma [Cognitive Potential of the Anthropocentric Principle]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* 1 (63): 151–155.
- Tabulova, N. T. 1977. *Aforisticheskaia poeziia abazin* [Aphoristic Poetry of Abaza]. Cherkessk. 143 p.
- Tsallagova, Z. B. 1993. *Aforisticheskie zhanry osetinskogo fol'klora* [Aphoristic Genres of Ossetian Folklore]. Vladikavkaz: Ir. 196 p.
- Tsallagova, Z. B. 1997. *Etnopedagogicheskaia aforistika* [Ethnopedagogic Aphorisms]. Moscow: Magistr. 223 p.
- Tsallagova, Z. B. 2011. *Etnopedagogicheskaia aforistika narodov Severnogo Kavkaza* [Ethnopedagogic Aphorisms of the Peoples of the North Caucasus]. Vladikavkaz. 363 p.
- Volkov, G. N. 1993. *Sovremennoe funktsionirovanie narodnoi pedagogiki kak fenomena demokratii i gumanizma v sfere vospitaniia* [The Modern Functioning of Folk Pedagogy as a Phenomenon of Democracy and Humanism in Education]. Cheboksary: RIPKRNO. 88 p.
- Volkov, G. N. 1999. *Etnopedagogika* [Ethnopedagogy]. Moscow: Akademiia. 168 p.